Р О С С И Й С К А Я   А К А Д Е М И Я   Н А У К
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

ISSN 2306-9015

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ–XXII

Материалы чтений, посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

INDO-EUROPEAN LINGUISTICS AND CLASSICAL PHILOLOGY–XXII

Proceedings of the 22nd Conference
in Memory of Professor Joseph M. Tronsky

18–20 июня 2018 г. – June 18–20, 2018

Первый полутом

Санкт-Петербург
Наука
2018

DOI.10.30842/ielcp230690152222

Я. В Васильков

О КЛЮЧЕВОМ ТЕРМИНЕ АРМЯНСКОГО ЭПОСА «САСУНСКИЕ БЕЗУМЦЫ» В СВЯЗИ С ИНДО-АРМЯНСКИМИ ЭПИЧЕСКИМИ ПАРАЛЛЕЛЯМИ

В статье предпринята попытка прояснить семантику ключевого термина армянского эпоса «*Sasna cṙer*» субстантивированного прилагательного *cuṙ*, обычно переводимого на русский как «безумец», «удалец», «ярый», «шальной» и т п. Проведенное автором сопоставление «*Sasna cṙer*» и индийской «Махабхараты» показало, что многие мотивы армянского, как и индийского, эпоса отражают реальность архаического института молодежных воинских братств. Контексты, в которых сказителями армянского эпоса использовался эпитет *cuṙ*, указывают на то, что он мог обозначать воина, впадающего в состояние неистовой ярости, препятствующее ему сознавать окружающее. Такое понимание подкрепляется сравнительными данными о воинских союзах в других индоевропейских традициях.

Ключевые слова: армянский эпос, «Давид Сасунский», «Махабхарата», субстантивированное прилагательное, этнографический субстрат, мужские союзы, воинские братства, социовозрастные группы, «волчья ярость».

Армянский эпос о героях из Сасуна более известен в России как «Давид Сасунский» по названию, которое было дано в свое время сводному тексту эпоса и его русскому переводу (ДС 1939). Подлинное название этого цикла эпических сказаний «*Sasna cṙer*» переводится на русский как «Сасунские удальцы», «Сасунские безумцы», на английский как «Daredevils of Sassoun» Уточнить семантическое наполнение термина *cuṙ* (мн. ч. *cṙer*) позволяет, как мне кажется, сопоставление армянского эпоса и индийской «Махабхараты» (Мбх), прежде всего, в области того, что можно назвать, вслед за Б. Н. Путиловым, этнографическим субстратом эпической поэзии.

Заняться поиском параллелей между армянским и древнеиндийским эпосом побудило знакомство с работами Армена Петросяна (Petrosyan 2002; Petrosyan 2011, Petrosyan 2015 и др.), в которых уже была выявлена общность некоторых мотивов и образов в двух традициях (например, Rāma и Aram, Saraṇyū и Saṙan), обусловленная, по-видимому, протоиндоевропейским наследием. Ознакомившись с текстами эпоса «Сасна црер» (к сожалению, только в переводах), я обнаружил, в

дополнение к этому, еще несколько зна́чимых моментов сходства.

Параллели начинаются с типологических характеристик двух эпосов. В обоих случаях перед нами классическая форма героического эпоса, сохраняющая, однако, существенные элементы архаики. За эпическим действием в них просматривается мифологический фон. В Мбх он дан эксплицитно (герои воплощения богов, их противники асуров), но и в армянском эпосе за фигурами героев просматриваются образы богов, а у их врагов черты вишапов или драконов.

Есть одно поразительное схождение в эпической мифологии. В одном из вариантов сказания о последнем в роду сасунских богатырей, Мгере младшем, рядом с героем, скрывшимся от мира в подземной пещере, вращается «колесо судьбы», определяющее участь всех существ (Abeghyan 2012 41). Сходным образом в Мбх (I. 3 147–153, 166–169)[1] персонаж, спустившийся в подземную пещеру, видит там вращающееся колесо Времени гигантское пряслице или колесную прялку, на которой две пряхи прядут нити человеческих судеб (Васильков 2010а). Это – уникальный образ, засвидетельствованный только в Армении и в Индии.

Историческое содержание как индийского, так и армянского эпоса многослойно. В «Сасна црер», как и в Мбх, можно выделить (разумеется, не текстуально, но методом исторической типологии) древнейший слой, относящийся к самому раннему «героическому веку», когда формировались начала эпоса. В Мбх этот слой составляется отражениями родо-племенного общества мобильных скотоводов, практикующего дуально-циклический церемониальный обмен внутри племени и характеризующегося непрерывными войнами между племенами за стада скота.

В последние годы в ряде исследований возродилась старая идея о значительной роли в генезисе Мбх отражений института молодежных воинских братств, члены которых именовались *вратьями* (*vrātya* от *vrāta* ‘стая’, см. Held 1935, Witzel 2005 40–41, Васильков 2009; Васильков 2010 passim, Pontillo 2016, Vassilkov 2016). Эпическим отражением братства юных воинов является, по-видимому, пятерка главных героев Мбх – братьев

---

[1] Все ссылки на Мбх даны по Критическому изданию: The Mahābhārata, critically edited by V S Sukthankar and others. Vols. 1–19 Poona. Bhandarkar Oriental Research Institite, 1933–1966.

Пандавов. После смерти их отца, царя Панду, братья растут при дворе дяди, царя Дхритараштры, и постоянно конфликтуют с его сыновьями, царевичами Кауравами. Чтобы отделаться от них, Дхритараштра позволяет им основать собственное царство и город в удаленной лесной области. Когда Кауравы посредством колдовства и обмана при игре в кости лишают их царства, Пандавы, в сопровождении своей общей супруги Драупади[2], скитаются по лесам, совершая всевозможные подвиги, в том числе возвращая похищенных у хозяев коров. Другая группа эпических персонажей, в которой тоже можно видеть воинское братство, это окружение друга Пандавов, героя Кришны молодежь из племени ядавов. В эпосе описаны их буйные ритуальные пиршества, с присутствием девушек и употреблением вина.

В наиболее древнем слое армянского эпоса мы находим отражение сходных мифоритуальных моделей и сходной по структуре социальной организации, что собственно и понимал Б. Н. Путилов под «этнографическим субстратом» эпической поэзии. Первое, что привлекает внимание индолога при знакомстве с армянским эпосом, это юность сасунских героев. Богатыри всех четырех поколений основатели Сасуна, братья Санасар и Багдасар, сын Санасара Мгер Старший, сын Мгера Давид, сын Давида Мгер Младший совершают почти все свои подвиги в период детства и юности. В детстве каждый из них не может еще контролировать свою богатырскую силу, в играх калечит, а то и убивает сверстников, совершает порой дикие поступки. Одного и того же маленького героя (Санасара вместе с Багдасаром, Давида) могут изгнать за буйство сначала из одного города, а потом и из другого. Ситуации порой очень схожи с тем, о чем повествуют индийские сказания: например, чтобы избавить свой город от юных Санасара с Багдасаром царь Теваторос разрешает им выбрать место для поселения в лесной и горной части своих владений, где они и основывают Сасун, точно так же как Пандавы, удаленные Дхритараштрой из Хастинапуры, строят в глуши свой город Индрапрастху. В мировом фольклоре повторяющийся мотив буйства юного героя, не способного еще контролировать свою силу, является

---

[2] Полигамия братьев Пандавов объяснима через практику вратьев, которых сопровождала в странствиях девушка, *puṃścalī*. В ведийской мифологии вратьевская дружина (gaṇa ‘стая’) представлена ганой Марутов, сыновей Рудры (бога вратьев), на колеснице которых стоит их общая подруга, богиня Родаси.

одной из мотивировок его изгнания важнейшего элемента завязки как эпоса, так и волшебной сказки (Пропп 1969: 69). Но существует много и иных мотивировок изгнания; если же эпос навязчиво использует, иногда и повторно, тему изгнания за буйство в каждой героической «биографии», как это делает «Сасна црер», остается только предположить, что бытование данного мотива поддерживалось длительным существованием у армян института юношеских социовозрастных объединений, о чем свидетельствует и этнография (см., напр. Варданян 1981, Карпов 1996, и др.). Именно этот институт давал возможность переадресовать нужным образом юношескую агрессивность и вывести ее носителей за пределы селения, на периферию общинной территории.

В подтверждение именно такого понимания этнографического субстрата армянского эпоса можно привести еще целый ряд фактов. Биография каждого из главных героев «Сасна црер» фактически сводится к детству и юности, завершаясь женитьбой и рождением сына, после чего герою остается только умереть или выйти на свой последний бой. Женитьба переводит героя из юношеского статуса в следующий возрастной класс, затем эпос как бы утрачивает к нему интерес и вскоре сообщает о его гибели. Соратники героя, «сасунские безумцы» это подростки, юноши, обычно обозначаемые термином *lač* ‘сынок’ (при обращении), ‘мальчик’ В диалектах *lač* демонстрирует, однако, оттенки значения, вполне отвечающие образу участника буйной подростковой дружины, например, в диалекте Себастии *lač* означает ‘(порочного, испорченного) мальчишку’, а в других производное наречие *lač-anak* имеет значение ‘отважно, мужественно’[3] Именно в обществе «40 неженатых юнцов» (*azap lač*) и «40 незамужних девиц» (*azap aǰǰik*) герой (Давид, Мгер Младший) пирует, пьет гранатовое вино (DS 1939 239, 340). В прозаическом переложении эпоса Н. Зарьяном сказано, к тому же, что эти «юнцы» «однолетки», ровесники Давида (Зарьян 1973· 149), что идеально соответствовало бы ситуации юношеских воинских братств, участники которых одновременно проходили обряд инициации.

---

[3] Грач Мартиросян (личное сообщение). Все используемые в дальнейшем армянские языковые данные предоставлены мне Г Мартиросяном и П. А. Кочаровым, который по моей просьбе выяснил, какие именно термины употребляются в конкретных местах армянского текста «Сасна црер» Пользуюсь случаем выразить им обоим самую глубокую признательность.

К сожалению, нам не удалось выяснить, каким вариантом сказания мог в данном случае пользоваться Н. Зарьян. В сводном тексте эпоса эта ценная деталь отсутствует

Ограниченный объем сообщения не позволяет привести здесь другие факты в поддержку предлагаемой интерпретации армянского эпоса. Подробная аргументация с многочисленными отсылками к текстам сказаний о героях Сасуна будет приведена в большой статье о сходстве этнографического субстрата армянской и индийской эпических традиций, которая сейчас готовится к печати. Здесь мы рассмотрим только, как в свете предложенной гипотезы выглядит ключевой термин для героя *cuṙ*, фигурирующий в самом названии эпоса. *Sasna cṙer*

Прямое значение слова *cuṙ* ‘кривой, косой, гнутый, искаженный’[4]. В армянском эпосе это часто субстантивированное прилагательное, переводимое как «безумец», «удалец», «сумасброд», «шальной», «сорвиголова» и т п. Дж. Клэксон (Clackson 1994 133) замечает, что в индоевропейских языках слова, выражающие идею «кривизны» имеют тенденцию использоваться для обозначения «моральных или религиозных отклонений», откуда, например, англ. *crook* (добавим сюда и русское *криводушный*). Армянское *cuṙ* очевидно стало обозначать несколько иное отклонение, а именно некоторое состояние психики, измененное или искаженное по отношению к «норме»

Ряд контекстов, в которых употребляется слово *cuṙ* в «Сасна црер», позволяют определить, какое именно состояние психики имеется в виду Когда народные певцы (гусаны), посланные принцессой Хандут к Давиду, чтобы воспеть перед ним ее красоту, приходят в Сасун, на них нападают уличные мальчишки, пытаясь отнять у них сазы (музыкальные инструменты). Вечный дядюшка всех поколений сасунских героев, Кери Торос кричит на мальчишек из окна: «Сасунские безумцы (*cṙer*), в уме ли вы?» (DS 1939· 302–303, ANE 2004 215). В варианте сказания (ANE 2004. 216–217) один из певцов жалобно повторяет· за что же избили меня «сасунцы-шальные» (*sasna cṙer*)? Когда Давид, чтобы угостить своих товарищей-пастухов, уносит от церкви огромный котел с кашей из полбы, приготовленной для общей трапезы после службы, священник

[4] Этимологически *cuṙ* возводят к **ģur-so-* (ср. греч. γῡρός ‘круглый, искривленный’, м. б., санскр. *gola* ‘шар’) или к **ģōrso-* (Clackson 1994: 132–133), но обе этимологии остаются проблематичными.

уговаривает прихожан, готовых погнаться за похитителем: «Не ходите, сасунский он сумасброд (*cuṙ*), он вас побьет!» (DS 1939 209). Санасар, увидев, что халиф и его воины пытаются убить его брата, вне себя от ярости, «как безумный» (наречие *cṙanak*, производное от *cuṙ*), бросается на врагов (DS 1939· 59).

Отсюда видно, что *cuṙ* обозначает, скорее всего, человека, способного впадать в состояние неистовой ярости, боевого бешенства, в котором он перестает сознавать окружающее. Уже в некоторых детских поступках героев может сказываться именно это состояние, а некоторые описания их взрослых деяний свидетельствуют о нем со всей очевидностью. Санасар, умыкающий царевну Дехцун, сражается с преследователями, брат Багдасар спешит ему на выручку, они продвигаются, рубя врагов, навстречу друг другу, а когда сходятся, залитые кровью, не узнают друг друга и начинают биться между собой. Вряд ли случайно в этом контексте к Багдасару трижды применен эпитет *cuṙ* (*cuṙ Baghdasar*, в переводе. «ярый Багдасар». DS 1939 102). В другом эпизоде Давид и Кери Торос сражаются с войском Мсра-Мелика до того, что «глаза их кровью налились / Одну лишь кровь видят, / Не могут распознать друг друга» и начинают биться уже между собой (ANE 2004 214). Здесь упоминания о залитых кровью лицах и налитых кровью глазах появляются, скорее всего, в результате переосмысления уже забытого исходного представления о боевом безумии. Следует при этом иметь в виду, что, например, в индийской традиции «медно-красные», налитые кровью глаза воина считаются признаком его неистовой ярости (см. Мбх I.68.21, III.12 8, 77 17, 146.31, VII.1 18, 83.34 и др.).

Уточнить значение эпитета *cuṙ* помогает сравнительный материал из близких индоевропейских традиций. В индийском эпосе постоянными эпитетами героя (*vīra* или *śūra*) служат *yuddhadurmada*, *samaradurmada* и *raṇotkaṭa* синонимы, все означающие «обуянный боевым безумием» (в английских переводах. 'war-crazed' или 'maddened with war'). Так характеризуются *ганы* духи из свиты Рудры-Шивы (Мбх X. 7.28), мифологическая параллель вратьям, предводитель которых мыслился воплощением Рудры. Среди героев из молодежного воинского союза, возглавляемого Кришной, некоторые во время своего буйного празднества представлены не только пьяными, но и обуянными «боевым безумием» (*samaradurmada*· Мбх I. 211 9). Можно предположить, что они некоторым образом, возможно посредством воинственных танцев,

приводили себя в состояние исступленной ярости. Культивацией этого состояния соблазнительно объяснить и трагический финал последнего буйного празднества воинов Кришны, когда они в ярости истребляют друг друга, что в дошедшей до нас форме сюжета переосмыслено как следствие брахманского проклятия (Мбх XVI).

В непосредственно соприкасавшейся с армянской культурой традиции Ирана агрессивные сообщества молодых воинов, «двуногих волков», известны с самой глубокой древности. (Wikander 1938). Они осуждались и демонизировались зороастризмом, и, тем не менее, в претворенном виде просуществовали до Нового времени. В них культивировалось умение воина впадать в состояние «опьяненного яростью (ав. *aēšma*, перс. *xašm*)» (Wikander 1938 57–60, Daryaee 2018 41, 46). В другой близкой индоевропейской традиции, древнегреческой, засвидетельствовано гомеровским эпосом представление о *lyssa* ‘волчьей ярости’; воин, способный сражаться в этом состоянии, считался непобедимым. Сходные представления известны и более далеким индоевропейским традициям, это неистовая ярость *(wut)* древнегерманских берсерков или боевое бешенство (*ferg*) ирландского эпического героя Кухулина (Lincoln 1975).

Эти сравнительные данные придают, как мне кажется, значительную степень вероятности нашему предположению о том, что эпитет *cuṙ* в армянском эпосе изначально указывал на способность героя приходить в состояние неистовой ярости, вытеснявшей страх смерти, умножавшей силы и практически обеспечивавшей победу в схватке.

Литература

Abeghyan, M. 2012. *Armenian Folk Beliefs* Translated from Armenian by R. Bedrosyan. (URL https.//archive.org/details/ArmenianFolkBeliefs).

ANE 2004 *Armyanskiy narodnyy ehpos «Sasunskije udal'tsy». Izbrannyje varianty* [*Armenian Folk Epic «Daring Ones from Sassoun». Selected Variants*]. Yerevan. «Van Aryan».

Армянский народный эпос «Сасунские удальцы» Избранные варианты. Ереван: «Ван Арьян», 2004.

Clackson, J 1994. *The Linguistic Relationship between Armenian and Greek*. Oxford UK, Cambridge USA: Blackwell.

Daryaee, T 2018 The Iranian Männerbund Revisited. *Iran and the Caucausus* 22, 38–49

DS 1939 *David Sasunskij. Armyanskij narodnyj ehpos* [*David of Sassoun. Armenian Folk Epic*] Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.

Давид Сасунский. Армянский народный эпос. М., Л. Изд-во АН СССР, 1939

Held, G J 1935 *The Mahābhārata. An Ethnological Study* London, Amsterdam.

Karpov, Yu. Yu. 1996 *Dzhigit i volk: Muzhskiye soyuzy v sotsiokul'turnoj traditsii gortsev Kavkaza* [*A Djigit and the Wolf· Men's Societies in the Socio-cultural Tradition of Caucausus mountaineers*] St.Petersburg:MAE RAS.

Карпов, Ю. Ю 1996· *Джигит и волк. мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа*. СПб: МАЭ РАН.

Lincoln, B. 1975· Homeric *lyssa* "Wolfish Rage" *Indogermanische Forschungen*, Bd. 80, 98–105

Petrosyan, A. 2002. *The Indo-European and Ancient Near Eastern Sources of the Armenian Epic*. Washington (= JNES Monograph № 42).

Petrosyan, A. 2011 Armenian Traditional Black Youths. the Earliest Sources. *The Journal of Indo- European Studies* 39 (3–4), 342–354.

Petrosyan A. 2015 *Problems of Armenian Prehisory Myth. Language. History* Yerevan. «Gitutyun»

Pontillo, T 2016: Droṇa and Bhīṣma as Borderline Cases in Brahmanical Systematization. a Vrātya Problem in the Mahābhārata. In. *On the Growth and Composition of the Sanskrit Epics and Purāṇas Relationship to Kāvya. Social and Economic Context. Proceedings of the Fifth Dubrovnik International Conference on the Sanskrit Epics and Purāṇas (August 2008)* Ed. By Ivan Andriyanić and Sven Sellmer Gen. ed. Mislav Ježić. Zagreb, 205–246.

Propp, V Ya. 1969: *Morfologiya skazki* [*Morphology of the Folktale*], 2nd edition. Moscow

Пропп, В. Я. 1969· *Морфология сказки*. Издание 2-е. М. «Наука»

Vardanyan L. M.1981 [Traditions of Male Age Groups among Armenians (end of XIX early XX centuries)] In. *Hay azgagrut'yun ew banahyusut'yun* [*Armenian Ethnography and Folklore*], № 12, 85–142.

Варданян, Л. М. 1981 Традиции мужских возрастных групп у армян (конец XIX начало XX в.). *Hay azgagrut'yun ew banahyusut'yun*, № 12, 85–142.

Vasil'kov, Ya. V 2009· [Entre chien et loup: looking for traces of the institute of warrior brotherhoods in Indian traditions] *Asiatskij bestiarij Obrazy zhivotnykh v traditsiyakh Yuzhnoj, Yugo-Zapadnoj I Tsentral'noj Azii* [*Asiatic Bestiary. Animal Images in traditions of South, South-Western and Central Asia*] Saint-Petersburg: MAE RAS, 47–62.

Васильков, Я. В. 2009: Между собакой и волком: по следам института воинских братств в индийских традициях. В сб. *Азиатский бестиарий. Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии*. СПб: МАЭ РАН, 2009 С. 47–62.

Vasil'kov, Ya. V 2010· *Mif, ritual i istoriya v «Makhabharate»* [*Myth, Ritual and History in the «Mahābhārata»*] St Petersburg.

Васильков, Я. В. 2010: Миф, Ритуал и история в «Махабхарате». СПб.

Vasil'kov, Ya. V 2010a. [«The Wheel of Time» in Indıan Epıc and the «Cave of Destınıes» in a work by father Pavel Florensky]. In. *Radlovskij sbornik. Nauchnyje issledovaniya i muzejnyje proekty MAE RAN v 2009 godu* [*Radlov Collection of Papers. Research works and Museum projects in the MAE RAS in the year 2009*], St.Petersburg: MAE RAS.

Васильков, Я. В. 2010а: «Колесо Времени» в индийском эпосе и «пещера судеб» у о. Павла Флоренского. В сб. *Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г.* СПб: МАЭ РАН.

Vassilkov, Y 2016. The Mahabharata and Non-Vedic Aryan Traditions. In. *On the Growth and Composition of the Sanskrit Epics and Purāṇas. Relationship to Kāvya. Social and Economic Context. Proceedings of the Fifth Dubrovnik International Conference on the Sanskrit Epics and Purāṇas (August 2008)*. Ed. By Ivan Andriyanıć and Sven Sellmer. Gen. ed. Mislav Ježıć. Zagreb, 181–203

Wikander, S. 1938. *Der Arische Männerbund*. Lund. Gleerupska Univ Bokhandeln.

Witzel, M. 2005 The Vedas and the Epıcs: Some Comparatıve Notes on Persons, Lıneages, Geography, and Grammar. In. *Epics, Khilas, and Purāṇas Continuities and Ruptures. Proceedings of the Third Dubrovnik International Conference on the Sanskrit Epics and Purāṇas (September 2002)*. Ed. by P Koskikallıo. Gen. edıtor M. Ježić. Zagreb, 21–70.

Zaryan, N 1973 *David Sasunskij Povest' po motivam armyanskogo ehposa.* [*David of Sassoun. A Novel based on the Armenian Epic*]. Moscow

Зарьян, Н. 1973 *Давид Сасунский. Повесть по мотивам армянского эпоса.* Перевод Н. Любимова. М. «Детская литература»